

Средневековая Европа

УДК 82-1(410.1)

DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-94-106

Взаимодействие письменной и устной традиции в древнеанглийской поэме о Фениксе

Наталья Ю. Гвоздецкая

Российский государственный гуманитарный университет,

Москва, Россия;

Сретенская духовная академия, Москва, Россия,

ngvozdz@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается трансформация образа священной птицы Феникс в одноименной древнеанглийской поэме по сравнению с ее латинским источником, поэмой *Carmen de ave phoenice*, приписываемой раннехристианскому писателю Лактанцию. Письменная латинская традиция создания образа священной птицы претерпевает в древнеанглийской поэме значительные изменения под влиянием устной германской традиции через введение формульной фразеологии и героико-эпических мотивов. Использование приемов устно-поэтического творчества служит христианскому осмыслению предания о Фениксе. Англосаксонский поэт исключает все детали латинского нарратива, укорененные в античной языческой мифологии, но, используя германские эпические термины и мотивы, углубляет христианскую символику поэмы. Так, долготелетие и бессмертие Феникса раскрываются через эпические мотивы «старости» и «юности», характерные для древнеанглийской поэмы «Беовульф». Следуя латинскому источнику, поэт представляет Феникса спутником солнца, но употребляет военные социальные термины, намекающие на духовную брань. Иной смысл обретает характерный для «героических элегий» мотив изгнания, который превращается в мотив обретенного рая. Таким образом, приемы германского эпического повествования не только способствовали культурной адаптации античного сюжета, но и служили его более глубокому религиозному осмыслению, обогащая диалог культур внутри традиционного поэтического искусства.

Ключевые слова: миф о Фениксе, поэма *Carmen de ave phoenice*, древнеанглийская поэзия, устная и письменная традиция, формульная фразеология, героико-эпические мотивы

© Гвоздецкая Н.Ю., 2026

Для цитирования: Гвоздецкая Н.Ю. Взаимодействие письменной и устной традиции в древнеанглийской поэме о Фениксе // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2026. № 3. С. 94–106. DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-94-106

The interaction of the written and the oral traditions in the Old English *Phoenix* poem

Natalia Yu. Gvozdetskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia;
Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia, ngvozd@yandex.ru*

Abstract. The article examines the transformation of the image of the sacred bird, the Phoenix, in the Old English poem of the same name, compared to its Latin source, ‘Carmen de ave phoenice’, attributed to the early Christian writer Lactantius. The Latin written tradition of depicting the image of the sacred bird undergoes significant changes in the Old English poem under the influence of the oral Germanic tradition through the introduction of formulaic diction and heroic-epic motifs. The use of oral poetic techniques supports a Christian interpretation of the Phoenix legend. The Anglo-Saxon poet excludes all details of the Latin narrative, rooted in ancient pagan mythology, but deepens the Christian symbolism of the poem by using Germanic epic terminology. Thus, the Phoenix’s longevity and immortality are revealed through the epic motifs of ‘old age’ and ‘youth’, characteristic of the Old English poem ‘Beowulf’. Following the Latin source, the poet presents the Phoenix as the companion of the sun, but uses military social terms that hint at spiritual warfare. The motif of exile, characteristic of ‘heroic elegies’, takes on a different meaning, transforming into a motif of ‘paradise regained’. Thus, the techniques of Germanic epic narrative not only facilitated the cultural adaptation of the ancient story but also enhanced its religious significance, enriching the dialogue of cultures within traditional poetic art.

Keywords: Phoenix myth, poem ‘Carmen de ave phoenice’, Old English poetry, oral and written tradition, formulaic diction, heroic-epic motifs

For citation: Gvozdetskaya, N.Yu. (2026), “The interaction of the written and the oral traditions in the Old English *Phoenix* poem”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 3, pp. 94–106, DOI: 10.28995/2686-7249-2026-3-94-106

Миф о Фениксе (птице, способной возрождаться из пепла) имеет очень древнее устное (по-видимому, египетское) происхождение, а в письменности впервые появляется у Геродота. С первых веков

нашей эры этот миф осмысливается в христианской литературе как символ всеобщего воскресения в день Страшного Суда, приобретает также ряд других символических интерпретаций. В патристике, например, в «Шестодневе» свт. Амвросия Медиоланского, Феникс трактуется как образ воскресшего праведника или даже Христа¹.

Древнеанглийская анонимная поэма о Фениксе, написанная аллитерационным стихом, сохранилась в рукописи, известной под названием «Эксетерская Книга» (The Exeter Book, вторая половина X в.). Это сочинение неизвестного автора представляет собой расширенное переложение на древнеанглийский язык латинской поэмы 'Carmen de Ave Phoenix', приписываемой христианскому писателю Лактанцию (250–325). Объем древнеанглийской поэмы более чем в три раза превышает латинский источник: строки 1–380 – это парафраз поэмы Лактанция, в ста семидесяти строках описывающей блаженную землю как место обитания священной птицы, ее облик, смерть и возрождение; строки 381–677 дают аллегорическое истолкование (отсутствующее у Лактанция) через отсылки к Священному Писанию. Эта вторая часть древнеанглийской поэмы носит дидактический характер и явно предназначена для наставления паствы в христианской вере².

Устная поэзия англосаксов, основанная на аллитерационном стихосложении, зародилась еще на континенте, до переселения в Британию, и воспевала подвиги военных вождей языческих времен, чему служила исконно германская, героико-эпическая фразеология. Однако в эпоху христианизации Англии эта устойчивая, «формульная» фразеология, возникшая в творчестве устных сказителей, стала использоваться для прославления христианского Бога путем переложения письменных библейских источников, что засвидетельствовано в легенде о Кэдмоне (вторая половина VII в.), первом христианском поэте англосаксов³. Расширение религиозной тематики в творчестве Кюневульфа (конец VIII – первая половина IX в.), второго известного по имени христианского поэта англосаксов, который опирался на привозимые с континента труды христианских проповедников и агиографов, создало предпосылки для обращения последующих анонимных поэтов к античным мифам, получавшим аллегорическую интерпретацию в трудах Отцов Церкви.

¹ См.: Ambrose's Hexameron. Bk. 5, ch. 79–80 // The Phoenix / ed. by N.F. Blake. Exeter: Exeter University Press, 1990. P. 96–97.

² О рукописи, языке и источниках древнеанглийской поэмы «Феникс» см. [Blake 1990, pp. 1–35].

³ Беда Достопочтенный. Церковная история народа англосаксов. СПб.: Алетейя, 2001. С. 140–142.

До сих пор внимание исследователей, изучавших древнеанглийскую поэму о Фениксе, было сосредоточено на выделении и разграничении двух разных основ христианской поэзии англосаксов – ее ориентации на позднеантичную латинскую книжность, с одной стороны, и ее тесную связь с героико-эпическими образами и мотивами как наследием устной германской словесности, с другой стороны⁴.

Новизна данной работы состоит в обосновании взаимодействия этих разных традиций в древнеанглийской поэме о Фениксе: воссоздавая образ священной птицы в героико-эпических выражениях, поэт не просто адаптирует античный сюжет к поэтическим вкусам англосаксонской аудитории, но усиливает и углубляет его аллегорический и назидательный смысл. Атрибуты Феникса, упоминаемые в латинском источнике, получают в древнеанглийской поэме своеобразное «германское» преломление и вместе с тем – более полную и глубокую христианскую трактовку, нежели в оригинале, построенном на образах языческой античной мифологии.

Предание о Фениксе преобразуется в древнеанглийской поэме путем опущения или добавления отдельных деталей. В латинском тексте Феникс представлен одновременно как птица и как служитель языческого бога Феба (Аполлона), отождествляемого с солнцем. Англосаксонский поэт исключает все детали латинского нарратива, укорененные в языческой античной мифологии (поклонение Фебу, ссылки на других античных богов или героев), усиливая вместе с тем символический христианский смысл предания о священной птице (во второй части Феникс прямо трактуется как умирающий и воскресающий со Христом праведник, а иногда и как сам Христос). Эта символическая трактовка может достигаться через библейские аллюзии, но также и через германские эпические термины и мотивы, которые, с одной стороны, сохраняют все свои героические ассоциации, а с другой – переосмысливаются в христианском духе, временами сближаясь даже с богословскими понятиями, но, как правило, соответствуя эпическому контексту.

Упоминаемые в оригинале черты птицы Феникс присутствуют в древнеанглийской парафразе, но претерпевают при этом существенные изменения. Анализ древнеанглийской поэтической лексики и фразеологии, описывающей в поэме птицу Феникс, показывает, что ее образ становится одновременно и более германским, и более христианским.

---

⁴ См., например: [Cross 1967; Thormann 1970; Calder 1972; Wilson 1974; Gardner 1975].

Латинский автор употребляет три разных наименования птицы: *avis* (L. 31, 70)⁵, *ales* (L. 113, 145), *volucris* (L. 152, 161); древнеанглийский поэт использует по отношению к Фениксу только одно имя со значением «птица» – *fugol* (Ph. 86, 100, 104)⁶, зато добавляет целый ряд имен со значением «вождь–воин–герой» – *æþeling* (Ph. 354), *cyning* (Ph. 344), *guðfrecra* (Ph. 353), *leodfruma* (Ph. 345), *þeoden* (Ph. 165)⁷. Варьируя формульные фразы – *feþrum* (или: *waþum*) *snell* (или: *strong*) (Ph. 99, 123, 161, 163, 347), – англосаксонский поэт, как и латинский, упоминает быстроту и силу птицы, но чаще описывает поведение Феникса традиционными германскими эпитетами, означающими «храбрый, воинственный, победный» – *beaducræftig* (Ph. 286), *deor-mod* (Ph. 88), *heahmod* (Ph. 112), *heap̄orof* (Ph. 228), *modig* (Ph. 10, 262, 338), *sigorfæst* (Ph. 282).

Каждое из имен используется в соответствии со своим традиционным эпическим значением и служит развитию эпической темы битвы, раскрывающейся через формульные словосочетания, и все же в ходе повествования все эти имена получают, вместе с тем, христианский смысл, причем три из них (*cyning*, *þeoden*, *modig*) выступают также именами Бога. Германская военная терминология направлена здесь на усиление и развитие христианской метафоры «духовной брани», известной из Нового Завета (Еф. 6. 11–17): в авторском отступлении от основного сюжета поэмы святой праведник именуется «Божием воином» (*meotudes cepra*, Ph. 471).

В англосаксонской поэме Феникс «отважный (букв. “высокий духом”) возносится на высокое дерево» (*heahmod hefed / on heanne beam*, – Ph. 112), чтобы приветствовать восходящее светило. Англосаксонский поэт, следуя латинскому источнику, представляет Феникса спутником солнца и хранителем священной рощи, но использует для этого германские термины социального статуса, намекающие на отношения вождя и дружины. Смена статуса пер-

⁵ Здесь и далее текст латинской поэмы цит. по: Lactantius. *Carmen de ave phoenice* // *The Phoenix* / ed. by N.F. Blake. Exeter: Exeter University Press, 1990. P. 92–96. В круглых скобках даны номера поэтических строк. Перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

⁶ Все указанные латинские наименования птицы – женского рода, древнеанглийское существительное – мужского рода.

⁷ Здесь и далее текст древнеанглийской поэмы цит. по: *The Phoenix* / ed. by N.F. Blake. Exeter: Exeter University Press, 1990. P. 49–67. В круглых скобках даны номера поэтических строк. Перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

сонажа сопровождается в данном контексте и сменой его гендерной принадлежности: вместо *Phoebo memoranda satelles* (L. 33) «Фебу достойная спутница», *antistes luci nemorumque verenda sacerdos* (L. 57) «смотрительница леса и внушающая страх жрица рощ» находим в древнеанглийском тексте *wudubearwes weard* (L. 152) «страж леса», *sunnan þegn* (L. 288) «тэн солнца».

Таким образом, и птица, и солнце теряют античные ассоциации, а через это прокладывается путь к их сближению с христианским праведником и Христом, которые также обозначаются германскими дружинными терминами (*þeoden*, *þegn*), ср.: *Is þæt Þeodnes gebod* (Ph. 68) «таково повеление Господа»; *Pisses fugles gecynd / fela gelices / bi þam gecornum / Cristes þegnum* (Ph. 387–388) «этой птицы природа / во многом похожа / на тех избранных / Христа слуг». В древнеанглийской поэме тема почитания священной птицы всем птичьим родом также разрабатывается в терминах верности дружинников вождю: каждая из птиц желает «стать тэном и слугою / славному господину» (*wesan þegn ond þeow / þeodne mægum*, – Ph. 165).

Интересны способы передачи значимых для мифа о Фениксе идей долголетия и бессмертия. Древнеанглийский поэт не располагал эпитетами, полностью тождественными латинским словам – *longaeva* (L. 65) «многолетняя, долговечная (птица)» и *inmoritura* (L. 92) «которой не суждено умереть» (форма причастия будущего времени), встречающимся в его источнике (древнеанглийское прилагательное *eae* «вечный» употребляется им только применительно к Богу). Это заставляло его искать не прямые способы обозначения указанных свойств птицы.

Бессмертие Феникса выражается посредством героико-эпического мотива юности: *þæt he feorh geong eft / onfon mote* (Ph. 433) «чтобы он жизнь юную вновь / обрести мог», или «чтобы он жизнь, вновь юный <заново родившийся>, / мог обрести». Ассоциация мотива юности с героико-эпическими представлениями о родном доме, наследнике и наследных дарах хорошо видна в «Беовульфе», ср. *Ðaem eafera wæs / æfter cenned, / geong in geardum* (Beo 12–13) «У него наследник / после родился, / юный в доме»⁸. Или: *Swa sceal geong guma / gode gewyrcean, / fromum feohgiftum / on fæder bearme* (Beo 20–21) «Должно юному мужу / добром поработать, / дарами щедрыми / в отеческом лоне». Те же ассоциации заметны в «Фениксе»: *feorh bið niwe / geong geofona ful* (Ph. 266–267) «жизнь его новою пребывает, / юная, даров исполненная» (или «(он) юный, даров исполнен»). Ср. также: *Swa Fenix beacnað / geong in geardum / Godbearnes meahht* (Ph. 646–647) «Так Феникс являет, / юный в доме, / Сына Божьего силу».

Вместе с тем концепты «дар» и «родина», связываемые в начале поэмы со способностью Феникса к возрождению и с его недоступным обиталищем, в конце интерпретируются как блаженство, даруемое Богом в раю⁹. Через использование и развитие исконных героико-эпических мотивов древнеанглийский поэт добивается не только более художественной и проникновенной (по сравнению со своим латинским предшественником) передачи темы бессмертия, но и ее более глубокой христианской трактовки.

Долголетие Феникса передается через эпический мотив старости. Прилагательные *gomol* и *frod*, именующие старость в героико-эпической поэзии англосаксов, часто ассоциируются с мудростью героя. Древнеанглийский автор поэмы о Фениксе мог попытаться усилить темпоральный компонент их значения, чтобы подчеркнуть долголетие птицы (ср. *gomel æfter gearum*, Ph. 258 «старый после <многих> лет»), однако едва ли мог полностью избавиться от их ассоциации с мудростью. Мотив старости разворачивается в направлении, заданном поэтикой героического эпоса и характерными для него формульными системами: долголетие Феникса представлено как жизненный опыт и переживание прошлого, ср. *gomol gearum frod* (Ph. 154) «старый годами мудрый» и *fyrngearum frod* (Ph. 219) «древними годами мудрый». Это позволяет поэту ввести далее монолог библейского патриарха Иова, обретшего мудрость после долгих лет страданий, где тот, в надежде на собственное воскресение, сравнивает себя с Фениксом (Ph. 552–569). Поэт завершает его монолог словами: *Dus frod guma / on fyrndagum / gieddade gleawmod / Godes spelboda / ymb his æriste / in ece lif* (Ph. 570–572) «Так старый муж / в давние дни / пел, мудрый духом, / Божий пророк / о своем восстании <воскресении> / в вечную жизнь».

В древнеанглийских героических элегиях мудрость и старость – характерные черты страдальца-изгоя, так сказать, «экс-героя», оказавшегося на периферии героического мира¹⁰. В образе Феникса воспроизводится весь этот комплекс представлений посредством введения формульных выражений, характерных для героико-элегической темы изгнания (в том числе обозначающих страдание), ср.: *þonne frod ofgiefed / eard ond eþel / ond geealdad bið, / gewited werigmod / wintrum gebysgad* (Ph. 426–428) «покидает мудрый / земли наследные, / ставши старым, / прочь отправляется, духом усталый, / зимами утруженный».

Вместе с тем страдание Феникса – не результат старости, ибо парадоксальным образом сочетается с силой и сноровкой, ср.: *Ðonne waþum strong / west gewited / wintrum gebysgad / fleogan feþrum snel* (Ph. 161–163) «Сильный в полете, / на запад стремится, / зимами

удрученный, / летит быстрокрылый». Страдание Феникса происходит исключительно из его поэтического статуса изгнанника, раскрываемого также через другие традиционные аспекты темы изгнанничества (унижение, одиночество, движение прочь).

В этом отношении значимым оказывается для древнеанглийского образа Феникса слово *anhaga/anhoga* «одиночка», характеризующее англосаксонского Скитальца в одноименной героической элегии: *Oft him anhaga / are gebided (Wanderer, 1)* «Часто себе одиночка / милости ждет»¹¹. К Фениксу это наименование применяется в тех частях поэмы, где отсутствуют прочие атрибуты изгнанника, что намекает на некую условность данного эпитета, ср.:

Done wudu weardap / wundrum fæger / fugel feþrum strong, / se is Fenix haten. / Ðær se anhaga / eard bihealdeþ, / deormod drohtap (Ph. 87)
«Тот лес населяет / удивительно прекрасная / птица, крыльями сильная, / что Феникс зовется. / Там этот одиночка (букв. «одиноко живущий») / <наследной> землю владеет, / отважный – обителью»;

Lædað mid wynnum / ædelne to earde, / oþþæt se anhoga / oðfleogeð feþrum snel / þæt him gefylgan ne mæg / drymendra gedryht (Ph. 346)
«Провожают с радостью / благородного на родину, / пока тот одиночка / не улетает, крыльями быстрый, / так что за ним последовать не может / дружина радующихся».

Комментаторы допускают здесь семантический перенос «одинокий – единственный в своем роде, необычный», т. е. трактуют это место как указание на уникальность Феникса [Blake 1990, p. 72]. Действительно, необычность птицы акцентируется в латинской поэме через употребление прилагательного *unicus*, чье первичное значение, однако, – единственный, а не одинокий.

⁸ Здесь и далее текст «Беовульфа» цит. по: Beowulf / ed. by M. Swanton. Manchester: Manchester University Press, 1990. 212 p. В круглых скобках даны номера поэтических строк. Перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

⁹ Об интерпретации Блаженной земли, где обитает Феникс, как рая см. [Blake 1990, pp. 13–16].

¹⁰ О трансформации образа эпического героя в древнеанглийских элегиях см.: [Смирницкая 1982, с. 211–221; Матюшина 1999, с. 40–56; Мельникова 2018, с. 200–233].

¹¹ Текст «Скитальца» цит. по: The Wanderer // Old English prose and verse. A selection / ed. by R. Fowler. L.: Routledge and Kegan Paul, 1978. P. 102–106. В круглых скобках дан номер поэтической строки. Перевод выполнен автором статьи по тому же изданию.

Почему же в древнеанглийском поэтическом тексте Феникс непременно должен стать одиночкой? По-видимому, вследствие традиционного характера своего искусства древнеанглийский поэт не может не представлять все важнейшие идеи иначе, как через развитие традиционных эпических мотивов. Латинский поэт подчеркивает уникальный характер священной птицы посредством эпитетов *unica* (L. 31) и *gaia* (L. 152), в то время как древнеанглийский поэт выражает ту же мысль, отсылая свою аудиторию к одиночеству Феникса как атрибуту, присущему мотиву изгнания. Очевидно, речь здесь идет не о замене одного смысла другим, а об их соединении в сознании англосаксонского поэта, или, точнее, о поисках им языковых средств, которые позволили бы вместить семантику античного мифа в традиционную поэтику германского эпоса¹².

Вследствие такого рода «культурной адаптации» образа Феникса становится возможной иная символическая интерпретация мотива изгнания в поэме «Феникс». В указанном монологе Иова (во второй части поэмы) этот эпический мотив становится символом смерти как ухода из мира сего. Иов говорит: *haele hræwerig, / gewite hean þonan / on longne sið* (Ph. 554–555) «Муж, плотию усталый, / ухожу <я>, униженный, / отсюда в далекий путь». В то же время в христианском сознании «изгнание» может пониматься и как жизнь, далекая от Царства Божия. Так, в героических элегиях оторванность их протагонистов от радостей героического мира становится аллегорией страданий человека в земной жизни. В «Фениксе» эпический мотив изгнания претерпевает дальнейшую трансформацию (в сравнении с элегиями), ибо акцентирует не только потери, но и приобретения: священная птица, состарившись, покидает Блаженную землю (символ смерти), но возвращается туда обновленной. Вследствие этого мотив изгнания превращается в древнеанглийской поэме в мотив обретенного рая.

В этой связи следует остановиться на способах описания древнеанглийским поэтом красоты Феникса. Вслед за латинским источником, где детально обрисована цветовая гамма птицы (L. 125–142), он также привлекает внимание к разнообразной окраске Феникса (Ph. 291–311), ср. *bleobrygdum fah* (Ph. 292)

¹² Едва ли стоит, вслед за Н.Ф. Блейком [Blake 1990, p. 72], полностью отрицать в приведенных контекстах (Ph. 87, 346) значение «одинокый» (у слова *anhaga*) только на том основании, что в латинском тексте ему соответствует прилагательное *unica* – ведь в других местах поэмы Феникс получает атрибуты изгнанника в связи с введением соответствующего героико-элегического мотива.

«разными цветами изукрашен». И все же у него нет такого же многообразия слов для описания оттенков цветов. Хотя ему удается найти ряд цветковых эпитетов – grene (Ph. 293, 298) «зеленый», brun (Ph. 296) «коричневатый, смуглый», hwit (Ph. 298) «белый», fealwe (Ph. 311) «желтоватый», – на первый план выступает у него не цвет, но блеск. Примечательно, что эпитеты блеска, сосредоточенные в латинском оригинале исключительно в эпизоде возрождения птицы, в древнеанглийской парафразе пронизывают собою весь текст. Одни из них – haswa (Ph. 121) «серый, пепельный», haswigfeþra (Ph. 153) букв. «серокрылый» – создают ассоциацию между Фениксом и эпическими «зверями битвы» (волком и вороном), хотя и реализуют также свойственное им значение «блестящий», выступая в эпической вариации с beorht (Ph. 122) «яркий». Другие – beorht (Ph. 122, 240, 306) «светлый, яркий, славный»; scyne «сверкающий, великолепный» (Ph. 300, 308, 591); torht (Ph. 574) «ясный, блистающий, знаменитый» – напоминают о германском герое, обычно выступающем на эпической сцене в полном вооружении и в сиянии славы.

Свет и сияние – традиционные атрибуты германского героико-эпического мира, отмеченного обилием золота и сокровищ, но также и светом погребального костра. Однако свет в германском эпосе – не только атрибут вещи, но и специфический элемент наррации, который регулярно сопутствует мотивам явления и гибели героя. И если первый мотив несет «информацию о *видности* (внешнее), *видимости* (связь внешнего с внутренним) и *ведомости* (укорененность внешнего и внутреннего в славном прошлом)», то второй «скорее говорит о *вести*, связанной с духовным знанием и передаваемой в будущее» [Смирницкая 2008, с. 168].

В древнеанглийской поэме «Феникс» семиотическая и нарративная функция света обнаруживается в аллитерационной коллокации 'torht – tascen' «яркий, знаменитый (о Фениксе) – знак (символ, знамение)», обретающей христианские коннотации победы над смертью. Пример Иова, который в своем монологе высказывает надежду на воскресение, сравнивая себя с Фениксом, приводится поэтом для того, «чтобы мы тем охотнее / могли воспринять / победный знак, / который эта яркая птица / <своим> горением являет» (þæt we þu geornor / ongietan meahthen / tirstæst taken / þæt se torhta fugel / þurh bryne beacnað, – Ph. 573–575). Выдержанный в световых эпитетах, характерных для мотива явления героя, образ Феникса становится аллегорией воскресения. Эпитет torht объединяет вещую птицу с целым рядом реалий, имеющих не только прямое, но и переносное значение в поэме. Это Блаженная земля (место обитания Феникса) как символ рая – torhte lond (Ph. 28);

солнце, которому она служит (символ Бога) – *torht tacen Godes* (Ph. 96), а также плоды и растения, из которых она строит свое гнездо – *torhte frætwe* (Ph. 200). Последние трактуются в поэме как добрые дела, благодаря которым праведники получают спасение в день Страшного Суда.

В приведенных выше строках (Ph. 573–575) дважды упоминается концепт света – через ссылку на оперение Феникса (*se torhta fugel*) и на его горение (*brune*), которое можно уподобить погребальному огню. Тем самым происходит соединение мотивов явления и гибели героя, получающих христианский смысл: «самоожжение» (гибель) птицы становится ее возрождением (новым явлением миру), которое в этом контексте может быть истолковано и как «ясный знак» ее победы над смертью (через это Феникс уподобляется Христу), и как «явное предзнаменование» – весть, обещающая спасение верным. Благодаря этому смысл аллитерационной коллокации *'torht – tacen'* сближается с «благой вестью» – Евангелием. Видимо, не случайно эта коллокация появляется в самом конце поэмы, когда большинство деталей мифа о священной птице уже получили аллегорическую интерпретацию.

Таким образом, приемы германского эпического повествования и германская формульная фразеология не только способствовали культурной адаптации античного сюжета к сознанию англосаксонской аудитории, но и служили его более глубокому религиозному осмыслению, обогащая диалог культур внутри традиционного поэтического искусства. При этом не следует забывать, что «контакт германской и новой христианской культуры лишь потому и мог быть таким глубоким, что новые смыслы не просто накладывались на отвердевшее значение эпического слова, но имели своей основой слово семантически подвижное, многомерное и богатое коннотациями» [Смирницкая 2008, с. 162].

Источники

- Beo. – *Beowulf* / ed. by M. Swanton. Manchester: Manchester University Press, 1990. 212 p.
- L. – *Lactantius. Carmen de ave phoenice // The Phoenix* / ed. by N.F. Blake. Exeter: Exeter University Press, 1990. P. 92–96.
- Ph. – *The Phoenix* / ed. by N.F. Blake. Exeter: Exeter University Press, 1990. P. 49–67.
- The Wanderer – *The Wanderer // Old English prose and verse. A selection* / ed. by R. Fowler. L.: Routledge and Kegan Paul, 1978. P. 102–106.

Литература

- Матюшина 1999 – *Матюшина И.Г.* Древнейшая лирика Европы: В 2 кн. М.: РГГУ, 1999. 493 с.
- Мельникова 2018 – *Мельникова Е.А.* Меч и лира: Героический мир англо-саксонского эпоса. СПб.: Наука, 2018. 335 с. (Библиотека всемирной истории)
- Смирницкая 1982 – *Смирницкая О.А.* Поэтическое искусство англосаксов // Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. С. 171–232.
- Смирницкая 2008 – *Смирницкая О.А.* *Sið Beowulfes*: границы «культурной лексикой» в древнеанглийском эпосе // Смирницкая О.А. Избранные статьи по германской филологии. М.: МАКС Пресс, 2008. С. 161–170.
- Blake 1990 – *Blake N.F.* Introduction. Notes // *The Phoenix* / ed. by N.F. Blake. Exeter: Exeter University Press, 1990. P. 1–35, 68–91.
- Calder 1972 – *Calder D.C.* The Vision of Paradise: A symbolic reading of the Old English *Phoenix* // *Anglo-Saxon England*. 1972. Vol. 1. P. 167–181.
- Cross 1967 – *Cross J.E.* The conception of the Old English Phoenix // *Old English poetry: Fifteen essays* / ed. by R.P. Creed. Providence, Rhode Island: Brown University Press, 1967. P. 129–152.
- Gardner 1975 – *Gardner J.* The construction of Christian poetry in Old English. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1975. 160 p.
- Thormann 1970 – *Thormann J.* Variations on the theme of “The Hero on the Beach” in the Phoenix // *Neuphilologische Mitteilungen*. 1970. Vol. 71. P. 187–190.
- Wilson 1974 – *Wilson J.H.* Christian theology and Old English poetry. The Hague; P.: Mouton, 1974. 196 p.

References

- Blake, N.F. (1990), “Introduction. Notes”, in Blake N.F., ed., *The Phoenix*, Exeter University Press, Exeter, UK, pp. 1–35, 68–91.
- Calder, D.C. (1972), “The Vision of Paradise: A symbolic reading of the Old English *Phoenix*”, *Anglo-Saxon England*, vol. 1, pp. 167–181.
- Cross, J.E. (1967), “The conception of the Old English Phoenix”, in Creed R.P., ed., *Old English Poetry: Fifteen essays*, Brown University Press, Providence, Rhode Island, USA, pp. 129–152.
- Gardner, J. (1975), *The construction of Christian Poetry in Old English*, Southern Illinois University Press, Carbondale, USA.
- Matyushina, I.G. (1999), *Drevneishaya lirika Evropy* [The oldest lyric poetry of Europe], RGGU, Moscow, Russia.
- Mel'nikova, E.A. (2018), *Mech i lira: Geroicheskii mir anglo-saksonskogo eposa* [Sword and lyre. The heroic world of the Anglo-Saxon epic], Nauka, Saint Petersburg, Russia. (*Biblioteka vsemirnoi istorii*)

- Smirnitskaya, O.A. (1982), "Poetic art of the Anglo-Saxons", in *Drevneangliiskaya poeziya* [Old English poetry], Nauka, Moscow, USSR, pp. 171–232.
- Smirnitskaya, O.A. (2008), "Sið Beowulfes: The boundaries of 'cultural lexicon' in Old English epic", in Smirnitskaya, O.A., *Izbrannye stat'i po germanskoi filologii* [Selected articles on Germanic philology], MAKS Press, Moscow, Russia, pp. 161–170.
- Thormann, J. (1970), "Variations on the theme of 'The Hero on the Beach' in the Phoenix", *Neuphilologische Mitteilungen*, vol. 71, pp. 187–190.
- Wilson, J.H. (1974), *Christian theology and Old English poetry*, Mouton, The Hague, Netherlands, Paris, France.

Информация об авторе

Наталья Ю. Гвоздецкая, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6, стр. 6;

Сретенская духовная академия, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Большая Лубянка, д. 19, стр. 3; ngvozd@yandex.ru

Information about the author

Natalia Yu. Gvozdetskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; 6-6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047;

Sretensky Theological Academy, Moscow, Russia; 19-3, Bolshaya Lubyanka St., Moscow, Russia, 107031; ngvozd@yandex.ru